

Гарри Поттер томился в жалком приюте, предложенном ему его единственными живыми родственниками, Дурслями, точно так же, как он делал это каждое лето между триместрами. Он лежал на своей хлипкой кровати в своей крохотной комнатке («за что он должен быть чертовски благодарен!» по словам дяди Вернона) и с тоской смотрел в узкое окно.

Хедвиг была бы желанной компанией, но она была по делу, прилетев утром в Нору. Гарри надеялся, что его полярная сова вернется с хорошими новостями, привязанными к ее лодыжке: послание от Уизли, в котором ему предлагается провести остаток лета с ними в их уютном и уютном домике.

Он скучал по Рону. Он скучал по успокаивающей кривоватой улыбке своего рыжеволосого лучшего друга, по осознанию того, что всегда найдется кто-то, кто примет его, несмотря ни на что. Он скучал по счастливому хаосу семьи Уизли, постоянному топоту людей, которые двигались и разбрасывали повсюду вещи.

Он скучал по Гермионе. Теперь это было немного сложнее. Она была образцом контрастов, колоссальным интеллектом, но незащищенной в обществе, золотым сердцем, но вспыльчивым характером. Откровенно говоря, она озадачила его, но он не представлял жизни без нее. Он даже сам себя сбил с толку, когда в конце прошлого семестра вдруг заметил, что она вертит ожерельем, когда думает, и что ее глаза блестят, когда она смеется... Он представил себе, как они втроем гуляют по коридорам Хогвартса...

Он скучал по Хогвартсу. Из-за страданий и лишений единственного дома, который он когда-либо знал, Хогвартс был похож на Шангри-Ла. Он не знал, что такие места существуют. Если бы он был просто обычным волшебником, а не Мальчиком-Который-Выжил, он мог бы быть совершенно счастлив. Но он был тем Мальчиком, и это заставляло его чувствовать себя изолированным, обособленным, кем-то, кто был отделен, кем-то с «судьбой», кем-то, кто всегда будет снаружи, смотрящим внутрь. Ничто не вызывало это чувство больше, чем события в Министерстве магии... и потеря Сириуса.

Гарри перевернулся на спину и несчастно уставился в потолок. После эмоционального потрясения, которое он пережил на пятом курсе, он стал слишком нервным и непостоянным и пытался посоветовать себе, чтобы люди не так легко раздражали его.

— Ни Драко, ни дядя Вернон, ни Дадли, — пробормотал он вслух. Хотя в этот момент ему бы хотелось, чтобы Драко Малфой противостоял ему, потому что это означало бы, что он вернулся к своим друзьям-волшебникам. «Они того не стоят, они того не стоят, они того не стоят». Это стало для него почти мантрой, и тем летом он на удивление хорошо сохранял самообладание.

Его хладнокровие не обошлось без цены. Раздраженный безмятежностью своего племянника, Вернон Дурсль, казалось, полон решимости найти новые изобретательные способы сделать свою жизнь невыносимой. Дадли по большей части избегал его, и было до боли очевидно, что Гарри напугал всех до мурашек от своего толстого и скучного кузена. Хотя временами само присутствие Дадли испытывало терпение Гарри, и его пальцы чесались взять палочку и проклясть Дадли на следующую неделю.

Он снова сменил позу, слегка приподнявшись, чтобы прислониться спиной к спинке кровати. Его взгляд упал на школьный чемодан. Его разум лениво перебирал содержимое... палочка, учебники, плащ-невидимка, вторая половина зеркала Сириуса. Его немногочисленные ценные вещи будут найдены в этом сундуке, а ключ от замка будет надежно спрятан под незакрепленной половицей. Кроме одного. Фотография его, Рона и Гермионы в Хогвартс-экспрессе была прислонена к лампе возле его кровати. Они смеялись, махали руками и вели себя как дураки. Время от времени Гарри замечал, как его фото бросает быстрые взгляды на Гермиону, которая краснела и отводила взгляд. Просмотр картины и тоска по друзьям не улучшали настроение Гарри, поэтому он спрятал картинку обратно под матрас, где она обычно и находилась.

Он вздохнул. Ему было скучно, скучно, скучно. Родственники ненавидели и боялись его. Он был пойман здесь какой-то мистической защитой, которую они каким-то образом предлагали. Он не мог творить магию. Он был -

Его окно царапало.

Привет, что это? — подумал Гарри, с интересом садясь. Он снова услышал скрежет и наклонился, чтобы открыть окно.

Хедвиг вскарабкалась внутрь, едва способная летать. Ее перья были взлохмачены и рваны, а местами были залиты кровью. Она держала один коготь близко к телу и старалась не приземлиться на него всем своим весом.

— Хедвиг, что случилось? — выдохнул он. Хедвиг жалобно чирикнула. Гарри подвел ее к кровати и начал осторожно ощупывать пальцами. «Ничего не сломано», — сказал он. Она кровоточила из нескольких порезов, которые выглядели так, как будто они были от...

— Когти, — глухо сказал Гарри. Хедвиг посмотрела на него понимающими глазами. — Кто напал на тебя? Хедвиг завизжала. «Похоже, он был большим. Как орел». Гарри предположил вслух.

Он знал только одну семью, которая была достаточно показной, чтобы использовать орла в качестве курьера.

«Малфой». Он произнес это имя спокойно, но под его поверхностью кипела ярость. Сопутствовал и страх. Какой возможный мотив мог быть у Малфоев, чтобы приказать Хедвиг наблюдать и атаковать? Чтобы перехватить его почту? Чтобы следить за его местонахождением? Чтобы поймать его?

Гарри сделал паузу, чтобы обдумать эту последнюю идею, потому что теперь он оказался в ловушке, incapable и не желающий использовать Хедвиг для общения, incapable творить магию вне школы. Он был так же точно отрезан, как будто находился за тысячи миль отсюда.

Он прокрался в ванную, надеясь избежать конфронтации, зная, что не сможет вызвать сочувствие к состоянию Хедвиг. Вернувшись, он принялся промывать раны Хедвиг, и она смиренно подчинилась его заботам.

Его мысли метались, и он продолжал нервно смотреть в окно, как будто ожидал, что Пожиратели Смерти соберутся на Тисовой улице.

«Ооо, черт возьми! » Он, наконец, выдавил из себя, чуть было не заломив руки, но вместо этого взял себя в руки и сжал кулаки.

— Ты добралась до Норы, Хедвиг? он спросил. Она вскрикнула и подняла ногу в ответ. Ножны, используемые для передачи сообщений, были разорваны и пусты. — Значит, они взяли письмо? Хедвиг скорбно посмотрела на него. — Тогда в Норе тоже небезопасно. Если они прочитают письмо, значит, за Уизли тоже наблюдают. Если они попытаются послать мне сообщение или попытаются забрать меня, их можно будет остановить. Но кто наблюдает? Малфой? Его отец? Или они действуют по приказу?

Он замолчал, когда понял, что ходит по скучному пространству своей комнаты.

«Если бы я только мог послать сообщение Дамблдору!» Хедвиг чирикнула в извинениях. — Это не твоя вина. Мне только жаль, что ты пострадал. Хедвиг осторожно вскочила на подоконник и поскребла его своим здоровым когтем.

Гарри покачал головой. — Хедвиг, я не отсылаю тебя. Ты ранен, и в любом случае это слишком опасно. Кто бы ни смотрел, он... — Гарри замолчал, когда Хедвиг завизжала еще настойчивее и снова поскребла в окно. Она пристально выглянула наружу, и Гарри с некоторым трепетом подошел к окну, чтобы увидеть, что... или кого... она смотрела.

Там не было ничего, кроме рядов аккуратных домиков, выстроившихся вдоль аккуратных улочек района. Где-то далеко послышался звук газонокосилки, но больше ничего не двигалось.

Хедвиг умоляюще посмотрела на Гарри, а затем снова посмотрела на дома.

Дома... район.... Маггловский Лондон раскинулся, как панорама.

Маггловский Лондон...

Гермиона жила в маггловском Лондоне. Если он сможет добраться до Гермионы незамеченным, возможно, она сможет отправить сообщение. Он не знал, как — она обычно использовала школьных сов, чтобы отправить любую почту, — но его мысли вращались слишком быстро, чтобы он мог думать здраво.

Когда он заставил себя сесть и перевести дух, то обнаружил, что все, о чем он мог думать, это

Гермиона. Он должен был увидеть Гермиону. Она бы знала, что делать. Эта мысль глупо крутилась в его голове, когда он отпирал свой школьный чемодан и вытаскивал из него несколько предметов первой необходимости... Гермиона всегда знает, что делать. Он убрал палочку, зеркало и мантию-невидимку и на мгновение постоял, неуверенно глядя на скудную кучу вещей на своей кровати, размышляя, что делать.

Деньги... Мне нужны деньги. Галеонов и серпов у него было в избытке, но маггловских денег у него не было. Однако тетя Петуния держала немного в банке с мукой, внезапно вспомнил он, тратя деньги, о которых она не хотела, чтобы дядя Вернон знал. Достаточно ли будет вызвать такси?

Он подобрал мантию-невидимку и покрутил ею, его глаза были темными и торжественными, лицо задумчивое и старше своих лет.

— Я скоро вернусь, — прошептал он Хедвиге и, накинув плащ на голову, исчез из виду. Дверь в спальню открылась и закрылась, движимая невидимой рукой.

Гарри бесшумно спустился по лестнице. Дядя Вернон спал, развалившись в мягком кресле, и громко храпел. Он мог слышать слабый стук ножниц тети Петунии в саду. Дадли нигде не было видно, вероятно, с какими-то головорезами, которых он называл друзьями. Он прокрался на кухню и перегнулся через стойку, потянувшись за банкой с мукой.

Кухонная дверь с лязгом распахнулась и ударилась о стену. Гарри упал на пол.

«Эй, молчи!» — раздался голос Дадли. Затем, более тихо: «Мама держит здесь несколько фунтов. Она не будет возражать, если я одолжу их». Сопровождавшие его два рыхлых мальчишки слышались ужасные приглушенные хихиканья. Он потянулся к формочке для муки, и Гарри сделался как можно меньше. Дадли теперь был наклонен прямо над ним, и один носок ботинка Дадли был твердо уперт ему в грудную клетку, хотя Дадли, казалось, не замечал этого.

Гарри не двигался. Не дышал.

Он увидел, как над его головой проплыла горсть рассыпчатых денег, сжатых в толстом кулаке Дадли. Просеянная крошка муки упала на голову Гарри. Головорезы на кухне, казалось, не видели мелкие гранулы, явно зависшие в воздухе.

Они снова ушли, и Гарри выдохнул горячий в легких воздух. Он вздохнул в отчаянии. Оставил ли Дадли деньги? Он снял крышку с жестяной банки и с некоторым удивлением увидел, что Дадли предусмотрительно оставил немного денег, чтобы кража, скорее всего, осталась незамеченной.

Гарри не заботился о таких тонкостях. Он забрал все деньги, надеясь, что ему хватит, чтобы нанять транспорт до Гермионы.

Он незаметно пробрался наверх и вошел в комнату Дадли. Стянув из шкафа Дадли маленькую кожаную спортивную сумку, он вернулся в свою комнату. Он сунул в сумку свои вещи, кроме палочки, которую сунул в карман джинсов. Он осторожно поднял Хедвиг, и она протестующе зачирикала, выражая свое недовольство тем, что ее кладут в упомянутый мешок.

«Места достаточно, Хедвиг. Не волнуйся. Тебя точно не увидят, и я не могу оставить тебя здесь». Хедвиг смиренно взвизгнула, и Гарри осторожно опустил ее в сумку. Он отказался от идеи использовать мантию-невидимку, зная, что есть люди, и, возможно, некоторые из них сомнительные, которые могут видеть сквозь мантию-невидимку. У него было больше шансов слиться с маггловским миром. Он взвалил сумку на плечо и, подумав, схватил фотографию из-под матраса и сунул ее в другой карман. Он низко нахлобучил потрепанную синюю бейсболку и вышел из своей комнаты.

SS

Гарри широкими шагами шел по тротуару Тисовой улицы и старался вести себя небрежно. Ему было трудно удержаться от того, чтобы нервно оглянуться через плечо, видя опасность, скрывающуюся в каждой живой изгороди. Грустная полуулыбка скользнула по его лицу и так же быстро исчезла, как только он подумал о Бродяге, смотрящем на него из кустов. Казалось, это было целую жизнь назад.

У него не было четкого плана в голове. Миссис Фигг пришла ему на ум, но он не хотел подвергать опасности доброго Сквиба. Он мог пойти на площадь Гриммо, но если кто-то за ним присматривал, он не хотел, чтобы они находились рядом со штаб-квартирой Ордена. Гермиона. Гермиона. Гермиона. Он гудел в голове, как пульс.

Он сделал большой круг, продолжая идти, держа сумку на одном плече. Он ничего не видел. Раздался детский смех, и где-то разбрызгиватель пыхнул водой на зеленый квадрат газона.

Ну, чего ты, черт возьми, ожидаешь? — сердито подумал он. Сам чертов Темный Лорд? Большой орлан ныряет на вас с неба? Люциус Малfoy с вилами и пылающим клеймом?

Он удлинил и ослабил походку, которая стала напряженной и прерывистой. Он был просто подростком, беззаботным подростком на прогулке. У него вырвался горький смешок, когда он подумал, действительно ли он кого-то обманывает. Был ли он когда-нибудь одним из них?

Но Гермиона.... Гермиона всегда понимала его, даже не давая пощады его жалости к себе. Сама выходя из маггловского общества, она знала и боролась с теми же самыми демонами, что и он. Она понимала, как никто другой, что быть Мальчиком-Который-Выжил не завидное положение, несмотря на его известность, а, по сути, бремя. И тот, который стал намного более громоздким с тех пор, как он узнал о пророчестве.

Он хотел рассказать кому-нибудь о пророчестве. И снова его изоляция казалась полной и абсолютной. Он хотел сказать Гермионе.

У него было смутное представление о том, где находится дом Гермионы, и он начал продумывать в уме окольный маршрут, включая посадки и высадки из различных видов маггловского транспорта. Он закатил глаза при мысли о том, чтобы вести себя как герой из маггловского шпионского фильма.

Он сел на поезд, который доставил его в центр Лондона, где он бродил по кварталам, стараясь оставаться в самых людных местах, часто ныряя в магазины и выходя из них. Он больше не чувствовал гнетущего страха перед тем, что за ним наблюдают, а вместо этого его наполняла безотлагательность, ощущение, что невидимые песочные часы куда-то капают песком, а время на исходе.

Вне времени для чего?

Он не знал.

Он сел в метро и ездил туда и обратно по нескольким пересекающимся маршрутам, внимательно следя за своим иссякающим запасом денег и пытаясь пробраться поближе к району Гермионы.

Паника сдавила его грудь. Его сердце стучало о ребра. Его легкие были в тисках. Он чувствовал, что ему не хватает воздуха из-за резких шумных вздохов, которые он делал. Гермиона. Гермиона. Гермиона. Он звенел у него в ушах.

Был ли он под каким-то заклинанием?

Он тяжело сглотнул и попытался успокоиться, но чувство страха не могло пройти.

Он снова оказался на поверхностных улицах, и городской хаос Лондона превратился в более тихий, упорядоченный жилой район... Район Гермионы.

Хааааааааааа! Это был плачущий крик в его голове, в голосе Гермионы. Он ускорил шаг, отказавшись от всех попыток выглядеть небрежно, хотя его сердце билось так быстро, что он едва мог думать.

Он только начал задаваться вопросом, как он собирается определить, какой дом был ее, когда он увидел его. Он мог без проблем опознать дом своего лучшего друга за квартал.

Темная метка парила над ним.

<http://tl.rulate.ru/book/76355/2274929>